

«И начал я наблюдать за этой фермой...»

И. Б. Абакумов, А. М. Никулин

Игорь Борисович Абакумов, кандидат экономических наук, директор медиагруппы «Крестьянские ведомости». 143430, Московская область, городской округ Красногорск, деревня Желябино, ул. Саввы Морозова, 1.
E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

EDN: LVUQHV

Аннотация. Во второй части биографического интервью Игорь Борисович Абакумов, завершая воспоминания об аграрных преобразованиях периода перестройки, связанных со становлением фермерства в России, обращается к размышлениям о ключевых событиях конца XX — начала XXI века в связи с феноменом Аграрной партии России и историей Национального проекта развития сельского хозяйства, поддержанного средствами массовой информации. И. Б. Абакумов рассказывает о работе над своими наиболее известными телевизионными документальными фильмами, посвященными интриге взаимодействия проектов освоения Целины и созидания космодрома «Байконур», а также документальному сериалу о сохранении и развитии традиций семейного фермерства в современных аграрных экономиках ряда зарубежных стран. Тема противоречивого взаимодействия личного и общественного в аграрном развитии России является главной доминантой этой второй части интервью.

Ключевые слова: колхоз, фермерство, агрохолдинги, Аграрная партия России, Национальный проект, документальное кино

А. М. НИКУЛИН: Вторую часть этого интервью предлагаю начать с обсуждения эволюции ваших собственных взглядов на аграрный вопрос, на взаимоотношения крупного и мелкого аграрного производства, на крестьянство в его взаимодействии с городом.

И. Б. АБАКУМОВ: Противоречия между общественным и частным обсуждались всюду еще в период правления ЦК КПСС. Тогда аграрники дальше Болгарии, как правило, никуда не ездили — «курица не птица, Болгария не заграница». Мировым аграрным опытом не владели. Но в определенной степени его наблюдали работники ЦК КПСС и обкомов, которые ездили в разные страны, и неожиданно, где-то в году 1977–1978-м московский обком партии выступил с инициативой построить семейную ферму.

А. М. НИКУЛИН: Это при Конотопе было?

И. Б. АБАКУМОВ: Да. Василий Иванович Конотоп был первым секретарем обкома КПСС. Это была вторая половина 1970-х годов. Как раньше было принято: создали комсомольско-молодежную семейную ферму, выбрали место — Клинский район, деревня Золино. Там была колхозная усадьба — скот вывезли, помещение санировали, отремонтировали, сделали даже стеклянный колпак наверху — фонарь такой, на тот момент модный, чтобы поменьше электроэнергии тратить. Елочки вдоль дороги специально посадили — для приезда Конотопа. Они до сих пор там, эти елочки. Нашли молодую семью, поселили ее в построенный для них домик. Домик, через 200 метров — ферма, пруд хороший, где коровы могли попить, искупаться. Хороший выпас. Председатель колхоза имени Горького, где это все затевалось, молодой Виктор Васильевич Анискин. Мы с ним приятельствовали, и я говорю: «Хочу наблюдать за этой фермой, но к тебе не наездишься». Он говорит: «А я тебе дом дам, колхозный. Пустой дом, мы его подремонтируем, печку подправим, забор поставим, электричество подведем, и будешь приезжать, переночевать, неделю провести, сколько хочешь, ни с кем не связываясь. У нас там косари жили, но сейчас уже не приезжают — техника вместо косарей теперь». И начал я наблюдать за этой фермой. Смотрю, а там то одна семья сменилась, то вторая, то третья. Я так исподволь, проходя мимо, вопросы задаю по-соседски — на одной улице же все. Оказалось, что форма сменилась, а суть осталась прежней: молоко сдавали — слово «продавать» еще не было — в колхоз по цене, которая была установлена колхозом.

А. М. НИКУЛИН: Так это такой семейный подряд или семейная бригада?

И. Б. АБАКУМОВ: Да просто нашли молодую семью и назвали это семейной фермой. Конечно, написали, что это прям, как в Европе, но суть осталась прежней. Хотя они не получали зарплаты в колхозе — им перечисляли деньги за сданное молоко, но счета у них не было — на каком-то субсчете в бухгалтерии эти деньги каким-то образом копились, они могли даже себе купить халаты, еще что-то такое с этих денег, но эта «зарплата» была не выше, чем в колхозе. В общем, формально была семейная ферма, а на деле нет. Когда я Вите Анискину об этом сказал, он говорит: «Только ты в обкоме об этом не говори. Мы-то все видим». Я спрашиваю: «А что ты не хочешь их отделить совсем, чтобы свой бюджет вели и так далее?» И тут он меня оговорил: «Они сами не хотят». По моим ощущениям, среди того советского народонаселения, что вышло из колхозов и совхозов, самостоятельно работать были готовы процентов пять, не более. Всех остальных устраивает работа по найму, стабильный оклад, колхоз построит дом, дочку Машей назовем. Как говорится: «Дело было в Пенькове».

А. М. НИКУЛИН: Возможно, оно так и было. В первой части интервью мы обсуждали, кто откликнулся на возможность стать фермерами, забросав вашу редакцию письмами, то набралось как

раз 2%, — а остальной народ с любопытством и опаской посматривал, что происходит и что дальше будет.

И. Б. АБАКУМОВ: И все же тогда это был уже 1989 год — началось движение арендаторов. Им давали неудобья, заросшие поля, они их восстанавливали, ездили, делали. У них ничего не было — ни денег, ни техники, где-то все это доставали, а за ними гонялись: «Где вы сперли трактор?» В «Известия» приехал немец Армин Блюм (мы его прозвали «Товарищ Цветков»), и он рассказал нам такую идею: сейчас в ФРГ идет активная замена сельхозтехники, даются очень большие льготы на покупку новой, а старую можно по цене металлолома привезти вашим фермерам. Но надо создавать для этого новую структуру, которая будет собирать старую технику, от которой люди избавляются, поскольку новую предоставляют только, что называется, по трейд-ин, т. е. старую технику ты списываешь с баланса, типа на металлолом, а новую получаешь. Я пошел опять к главному редактору, говорю, что про арендаторов мы уже писали, а это другая история. И тогда появилась статья «Есть шанс дать арендатору технику сегодня». И телефон я указал свой служебный. Так он из черного стал красным. Жуть была! И письма пошли мешками, часть откликов мы опубликовали. Эта акция шла где-то месяц. Мы ждали реакции властей, но — молчание. Мы в конце концов начали взывать к министру тракторного и сельскохозяйственного машиностроения Александру Александровичу Ежевскому, к министру сельского хозяйства СССР Вячеславу Ивановичу Черноиванову. Позже, когда мы обратились в ЦК КПСС, нам позвонили из приемной секретаря ЦК КПСС по селу Виктора Петровича Никонова. Лаптев, главный редактор «Известий», сказал мне, что большая делегация собирается поехать в Германию, посмотреть, что там действительно происходит, и меня в нее включили, поскольку я автор материалов. Мне в течение суток оформили синий служебный паспорт. Я до этого за границей был только в Болгарии, а тут сразу ФРГ, причем в составе правительственной делегации: самолет, ВИП-места, первый класс. Мы прилетели, а никуда смотреть технику не собираемся. Мне говорят: «Завтра куда-нибудь съездим, какой-нибудь сарай посмотрим». Просто чтобы закрыть вопрос: обсуждено, технику не нашли. Я по возвращении докладываю об этом редактору, а он: «Мы против ЦК не пойдем — давай, закрываем акцию. Просто перестань публиковать — само рассосется».

А. М. НИКУЛИН: Как все кипело и бурлило!

И. Б. АБАКУМОВ: Не то слово. Ежевский мне говорил — нельзя тащить хлам в страну, они нас на запчастях разорят. Это была одна правда. А то, что трактора 40–50-х годов были на ходу с полным техосмотром — это была другая правда. И то, что до сих пор нет техники для маленьких полей — это третья правда, наша промышленность ее даже скопировать не может — не ставится такой политической задачи.

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин
«И начал я на-
блюдать за этой
фермой...»*

А. М. НИКУЛИН: Да, разные группы в руководстве страны буквально раздирали разные интересы и точки зрения.

И. Б. АБАКУМОВ: Тихий ужас! Тогда же, в перестройку я посмотрел уголовное дело Ивана Никифоровича Худенко. Мне даже в генпрокуратуре сделали ксерокопии. В общем, дело Худенко абсолютно высосано из пальца. 10 человек арендаторов заменили целый совхоз и получали огромные по тем временам заработки. Испугались массовой безработицы и завели дело.

А. М. НИКУЛИН: Его, я так понимаю, потом реабилитировали.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, а что толку — он в 1974 году умер в тюремной больнице. Просто убили человека.

А. М. НИКУЛИН: Если вспоминать замечательных советских председателей, то я помню в перестройку мы в Институте экономики СССР познакомились с председателем колхоза «Шукты» Дагестанской АССР Магомедом Абакаровичем Чартаевым, который пытался у себя проводить реформы. Замечательный был человек.

И. Б. АБАКУМОВ: Сейчас ничего не осталось от его колхоза. Люди о Чартаеве отзывались очень хорошо: добрый человек, честный. Я писал о нем и его деле, съездил в его колхоз, описал эксперимент. Магомед у нас в отделе сельского хозяйства «Известий» был постоянным гостем, считал, что его систему надо бы в масштабах на всю страну. Но я ему говорил: «Дорогой, это в Дагестане сработает, где тебя знают. На Алтае — будет другое. А на Дальнем Востоке — вообще все третье».

Не думаю, что нынешние призывы к молодым людям идти в сельское хозяйство, фермерство возымеют широкое действие. Ведь надо еще разобраться, что со стариками произошло, с теми первыми фермерами первой волны перестройки, сколько из них осталось фермерствовать.

В пору становления АККОР я стоял больше на позиции академика Владимира Александровича Тихонова — что деньги, выделенные на фермерство, надо было пустить в рост. Они бы еще приросли, и тогда можно было бы спонсировать фермеров, выделять гранты на развитие производства.

А. М. НИКУЛИН: При этом была бы какая-то финансовая дисциплина.

И. Б. АБАКУМОВ: Конечно. А тогда деньги давали фермам как безвозмездную ссуду, очень многие в результате через год-два истратили эту ссуду, нахватили совхозной техники, не понимая ничего в этом деле, оказались ни с чем.

А. М. НИКУЛИН: Тогда и горожане брались за фермерство.

И. Б. АБАКУМОВ: Я знаю много горожан, которые оказались эффективны и сейчас, это не аргумент. Авантюристов было очень много: людей, которые просто пришли срубить денег, а потом свалить. Осталось очень много брошенных хозяйств. Но председателю АККОР Башмачникову нужен был широкий политический охват. Задачу эту он выполнил, но потом его же и отодвинули.

А. М. НИКУЛИН: Во время перестройки появились и реальные политические проекты, связанные с идеей аграрной партии.

И. Б. АБАКУМОВ: Первая аграрная партия создавалась при непосредственном участии ЦК КПСС и КГБ еще в советское время — ее просто не успели оформить до 1991 года, а только 1992-м. Еще до августовского путча 1991 года стала вырабатываться многопартийная система как симулякр многопартийной системы. Так, например, создавалась ЛДПР, еще при СССР. Разработка такой многопартийности происходила на Лубянке. Это была подготовка к исчезновению КПСС. Она должна была исчезнуть внезапно, что и произошло, когда Ельцин в 1991 году выпустил свой указ о ее роспуске. КПСС исчезла, будто ее не было 75 лет, как будто не она победила в Гражданской и Второй мировой войне, не она обеспечивала полет человека в космос. Надо отдать должное, что это исчезновение было организовано очень грамотно, технично, средства были выведены на нужные счета, сохранены кадры. Большинство функционеров оказались в государственных корпорациях, международных организациях, международных фирмах с хорошими бюджетами, стали главами государств. Так КПСС вроде и дематериализовалась, а вроде и нет. А в качестве спойлера поставили КПрФ Зюганова: вот, смотрите — коммунисты никуда не делись, просто переименовались. Ничего подобного, Зюганов — это совершенно другая партия, мало общего имеющая с КПСС. Технично было сделано. И видимо, поскольку создание ЛДПР отняло много времени и сил (все же непривычное было дело), решили аграрный политический проект отложить. Разговор о создании аграрной партии я слышал своими ушами, и тогда было понятно, кто будет лидер — Михаил Иванович Лапшин. Это было ясно еще в 1990 году. Лапшин открыто говорил, что сейчас создается партия. Михаил Иванович откровенный был человек — он, конечно, коммунист, но не в этом дело. Он, как председатель замечательного колхоза, был за село. Деятельный человек, который понимал, что к чему. Не назначенец. И обратите внимание: как только Аграрная партия приняла участие в выборах, она сразу получила в Думе свою фракцию, с ходу.

А. М. НИКУЛИН: Да, это был успех.

И. Б. АБАКУМОВ: Не просто успех — восторг просто! А затем власть перепугалась, потому что перед глазами стояли примеры мощной крестьянской партии в Польше или аграрной фракции в парламенте Испании. В Польше даже в конституции записано, что основой сельского хозяйства является семейная ферма.

А. М. НИКУЛИН: Да, Польша — единственная страна во времена социализма, где не прошла коллективизация, и в основаниях сельской жизни так и остались крестьянские хозяйства. Но вернемся в Россию. Итак, Аграрная партия — успех на выборах 1993 года, аграрии влиятельны, власть их даже испугалась.

И. Б. АБАКУМОВ: Власть испугалась еще и потому, что фактически произошло слияние КПрФ и Аграрной партии до такой

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И начал я наблюдать за этой фермой...»

степени, что последнюю начали называть «сельхозотделом КПРФ». И от такого союза двух мощных фракций в парламенте Ельцину, конечно, стало не по себе. А тем временем аграрии на региональных выборах регулярно одерживали победы, не только в центре России, но и на Дальнем Востоке, на Алтае. Но такое хождение аграриев в политику, к сожалению, в конце концов так ни к чему и не привело.

А. М. НИКУЛИН: Пусть в начале XXI века собственная политическая активность аграриев сошла на нет, но в это же время начался реальный аграрный экономический рост, и его принято связывать с успехами так называемого национального проекта по сельскому хозяйству.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, к этому времени создается Россельхозбанк, а министром сельского хозяйства становится Алексей Васильевич Гордеев. И эта ключевая связка привела в 2005 году к возникновению национального проекта «Развитие АПК». Подготовка к этому шла достаточно долго — примерно как к знаменитому апрельскому пленуму ЦК КПСС 1985 года. Причем не то чтобы в секретной обстановке, но без особой огласки, хотя силы были привлечены значительные. Во-первых, академическая наука, во-вторых, губернаторы. Главы территорий отнеслись к этому без особого интереса, за исключением саратовского губернатора Дмитрия Аяцкова, нашего замечательного белгородского губернатора Евгения Савченко, Вячеслава Позгалева в Вологодской области. Ну и из Алтайского края Александр Назарчук, который до этого сам был министром сельского хозяйства. Люди с абсолютно разными взглядами на развитие сельского хозяйства, но за село болели и были готовы искать компромиссы друг с другом. Даже Назарчук. Я его не считаю апологетом коммунистического пути развития, но у него не отнять, что он действительно знал село глубоко и переживал за людей. Когда мы с ним встретились в последний раз, обнялись, он говорит: «Хотя ты и гадина, но я тебя люблю». Мы достаточно долго были знакомы, он за государственный путь развития сельского хозяйства, я за частный. Но тем не менее мы нашли общие моменты для сотрудничества.

Если вернуться к исходу XX века, я в первой части интервью забыл упомянуть, что где-то в конце 1990-х годов присутствовал в кабинете вице-премьера по селу Заверюхи в тот момент, когда он лично принимал сводки по наличию зерна в регионах. Ему не вняли, потому что доверяли — Александр Харлампиевич Заверюха был авторитет. И когда он сначала в столбик, потом на калькуляторе все проверил, звонит Черномырдину и говорит: «Все! Зерно мы можем больше не покупать, у нас своего хватает». В этот момент наступил конец зерновому импорту, который продолжался со времен Хрущева.

А. М. НИКУЛИН: Так ведь это было связано с тем, что уже скотину в значительной степени порезали, но урожаи у нас особо не росли вплоть до начала XXI века.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, скотины стало меньше, но важен сам политический акт, что мы прекращаем импорт зерна. Я в этот момент как раз и присутствовал. Я Заверюху спрашиваю: «Сообщаем в «Известиях»?» Он говорит: «Нет, секретная информация. Мы же должны разорвать все договоры, а они с обязательствами и так далее. Сейчас пойдет дипломатия...» Дело в том, что зерновой импорт — это был обоюдовыгодный бизнес по обе стороны океана. При таких громадных объемах закупок — от 20 до 40 млн тонн в разные годы — игра на одном центе за тонну приносила миллионы и тем, и другим. В ЦК КПСС этим занимались в основном сельхозотдел и международный, у них заинтересованности были большие. Я предложил одному из бывших замминистра сельского хозяйства, занимавшемуся импортом, что пора уже рассказать, как это было. Он говорит: «Я тебя очень люблю, но я еще хочу пожить». До сих пор люди, которые этим занимались, живы, и они оказывают какое-то политическое влияние.

А. М. НИКУЛИН: То есть вся эта интрига с покупкой-продажей зерна тянулась начиная со времен так называемого зернового ограбления — старта покупки зерна в США при Хрущеве и дальнейшем наращивании зернового импорта при Брежнев с 1960-х годов и вплоть до конца 1990-х годов?

И. Б. АБАКУМОВ: Да! Кстати о Хрущеве: в 2005 году был юбилей Целины, и «Первый канал» попросил меня сделать о ней сценарий документального фильма: «Это твоя тема, верим только тебе, давай сделаем».

А. М. НИКУЛИН: А как бы Вы охарактеризовали свою профессиональную деятельность на телевидении и кинодокументалистике? Пока что мы в основном обсуждали путь журналиста в газете.

И. Б. АБАКУМОВ: Первый мой фильм и был про Целину. И это не совсем обычная история. Я и мои коллеги начали сопоставлять даты, фамилии участников, время и пришли к выводу, что Целина, если коротко, была операцией-прикрытием строительства космодрома «Байконур». Сначала это выглядело как конспирологическая версия: ведь два этих события — начало строительства космодрома «Байконур» и бурное развитие целины — произошли одновременно. Но когда я начал разбираться, в чем же дело, то понял, что это уже не в чистом виде конспирология, особенно если вспомнить, кто на тот момент был первым секретарем ЦК Компартии Казахстана — а это был Брежнев. И что он до этого курировал в ЦК КПСС? Во времена уже Хрущева-Маленкова он курировал оборонпром. А замом у него был Пономаренко, его он взял с собой на Целину. Во время Великой Отечественной войны Пономаренко был начальником главного штаба партизанского движения. Он специалист по маскировке, диверсионным операциям. И когда я сопоставил эти факты: Целина и строительство «Байконура», Брежнев и Пономаренко — у меня начала вырисовываться похожая на правду картина, далекая от конспирологии. Отсюда и родилась идея

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И начал я наблюдать за этой фермой...»

фильма «Байконур: операция прикрытия». И делать мы начали его не столько про Целину, сколько про «Байконур». Целина — «Байконур» — это было очень удобно: в одну и ту же сторону отправлялось колоссальное количество стройматериалов, металлических конструкций, рабочих и так далее. Ночью от этих эшелонов среди целинной степи по боковой ветке отделялась значительная часть этих самых эшелонов и останавливалась на никому не известной станции Тюратам. Это был просто разъезд. В целях конспирации Байконур на картах сместили. Есть такое понятие — «Байконур», но это где-то в 300 км от Тюратама.

А. М. НИКУЛИН: Я бы сказал, что это интересная версия с точки зрения социально-философской истории русского космизма. Такие космисты, как Николай Федоров, Георгий Вернадский, были и аграристами, писали об огромном значении сельского хозяйства, сельского образа жизни. У них село и космос всегда вместе.

И. Б. АБАКУМОВ: Я решил проверить свою мысль и попросил написать запрос от «Первого канала» в Центр общественных связей ФСБ. Мол, мы снимаем такой-то фильм, у нас есть версия, что Целина — это было прикрытие «Байконура», просим подтвердить или опровергнуть. Через некоторое время мне звонок: приглашаем в Центр общественных связей. Я прихожу в здание на Лубянке, меня очень доброжелательно встречают, угощают чаем — вдруг входят шесть генералов, в форме: «У нас к вам один вопрос: откуда вы получили эту информацию?» Я говорю: я просто сопоставлял открытые данные из открытых источников. Начальник центра: «Перед вами сидят все руководители, кто в живых, служб безопасности космодрома «Байконур». И они сказали: «Вы попали действительно в самую десятку». И еще у них был такой шуточный вопрос: «А почему вы у нас не работаете?» Я говорю: «Это не ко мне вопрос, а к вам, да я уже и по возрасту не подхожу». Мне было около 50, когда мы поехали снимать этот фильм, свое 50-летие встречал на космодроме «Байконур». И как раз в день моего рождения, 22 мая, там запускался космический корабль. Вышло так, что, поскольку мы уже готовили фильм, пришлось им снимать гриф секретности со многих материалов. Мы первыми получили секретные в прошлом материалы со штемпелем «секретность снята».

Что касается приоритетного национального проекта от 2005 года: подготовка шла очень целенаправленно, Гордеев участвовал во всех заседаниях, откладывал все дела ради разговора с экспертами. Я в этом участвовал, уже будучи главным редактором «Крестьянских ведомостей». Из «Известий» я, по понятным причинам, ушел в конце 1991 года, уже оттолкнулся и на своей льдине поплыл. Тесно общался и с Юрием Трушиным, он из семьи банкиров, банкир в третьем поколении.

А. М. НИКУЛИН: Надо же! Большая редкость для России — такая династия.

И. Б. АБАКУМОВ: Его дед приносил зарплату рабочим Сталинградского тракторного завода в тот момент, когда половина завода была у немцев, а половина у наших. Мама его тоже была заведующей банка в городе Фролово Волгоградской области — там Трушин и родился. Он прошел очень хорошую школу у Виктора Геращенко, попал к нему на стажировку в Московский народный банк, там приобрел привычку говорить много, интересно, но не говорить ничего. Как известно теперь, из Моснарбанка финансировались все национально-освободительные движения в мире. И Геращенко там руководил, так что знал очень много.

А. М. НИКУЛИН: Все эти люди как-то повлияли на планирование и создание нацпроекта по сельскому хозяйству? Говорят, нацпроект по сельскому хозяйству практически «успел вскочить в последний вагон», поскольку изначально его не планировали.

И. Б. АБАКУМОВ: Даже не в «последний вагон», а в «лишний». Гордеев собрал команду из крупных ученых-аграрников, и они пошли к президенту, объяснили, что без этого проекта никак. Он говорит: денег нет, все, что было, ушло на нацпроекты по образованию, здравоохранению и т. д. В общем, пообещали только выдавать льготные кредиты. Трушин считал, что поскольку люди не привыкли брать кредиты, бояться, нужно что-то предпринять. Короче, быстро было принято решение создать специальный сельскохозяйственный банк — Россельхозбанк, Трушин стал председателем его правления. Я помню, противники возражали: банков и так много, зачем еще один, и государственный? Тогда Виктор Геращенко, тогда его все звали «Геракл», сильно поддержал это решение, ведь он до этого дважды, еще с конца 1980-х годов, занимался созданием банков для развития сельского хозяйства. А когда лопнул «СБС-Агро», остались его отделения, и всю его структуру надо было срочно передавать вновь собранному банку. И многие банкиры, у которых было большое влияние — еще же «семибанкирщина» до конца не завершилась, на Трушина смотрели, как на колхозника в балете, хотя он очень опытный банкир. В первую очень пришлось срочно воссоздавать коллектив профессионалов для банка, лучших людей собрали со всей страны: Трушин их знал, и они знали Трушина. Банк начали делать втихаря — сидели в Орликовом переулке, несколько комнат, боковой вход на третьем этаже. Я к ним зашел — народ сидит за обшарпанными столами, компьютеров нет, одни калькуляторы. Банк пока не зарегистрирован, документы готовят на пишущих машинках! Я спрашиваю: вы чего так? «Да нам бояться что-либо давать, потому что всем сказали молчать про этот банк». Я думаю: ладно, начинаю две «газели», привезли из редакции новую мебель, несколько компьютеров. Трушин говорит: «Это что такое?!» Я говорю: «Презент. Вы же нас учреждали при СССР, мы вам помогаем сейчас. Когда-нибудь в будущей жизни и вы нам поможете».

Потом меня пригласили Трушин и Гордеев, поинтересовались, какие есть идеи по поводу информационной составляющей нацио-

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И начал я наблюдать за этой фермой...»

нального проекта. Я говорю: в общем, ничего сложного нет, вопрос, каковы цели и финансирование. Мы же сделаем следующее: первое — подготовим брошюру «сто вопросов и ответов» о том, что такое кредиты и как их получить. Второе: организуем отдельную редакцию, которая будет делать текстовые репортажи, интервью, заметки для районных газет. Областные нам не нужны — их мало кто читает, а районные читают все, их порядка 2500. Мы делаем рассылку подготовленных материалов по почте во все районные газеты. Третье — мы делаем радиоинформацию, то же самое, но в радиийном варианте: 2–3-минутное интервью. У областных и районных журналов и радиийщиков дефицит материалов из центра, а мы им будем давать информацию бесплатно. Они все это будут печатать и выводить в эфир. И еще мы будем рассылать короткие видеоматериалы: интервью с Гордеевым, с прямыми вопросами и прямыми ответами, интервью с Трушиным и т. д. И когда мы это сделали, это была бомба! Информация о приоритетном национальном проекте развития АПК разлетелась от Калининграда до Владивостока.

А. М. НИКУЛИН: Я помню, как она внезапно повсюду появилась.

И. Б. АБАКУМОВ: Внезапно как жажнула по всей стране! Трушин сказал: «Я сильно удивлен, я не думал, что это вообще возможно сделать». Но мы это делали не только через почту, но и через отделения Россельхозбанка, которых было больше, чем у Сбербанка. Кажется, чуть ли не в каждом селе. Даже в крупных совхозах они открывали отделения, прямо в правлении. И мы использовали эту сеть для распространения информации.

А. М. НИКУЛИН: Так вы вместе с Россельхозбанком через радио и районные газеты «овладели массами»?

И. Б. АБАКУМОВ: Не просто овладели, журналисты тоже были счастливы, получая готовый профессиональный материал, уже в нужном формате, сокращать ничего не надо. Мы же знаем, какой тайминг у радио — минута, 3 минуты, 7 минут максимум, вот мы и делали материал в пределах трех минут, просто вставляй, все уже готово. Потом они уже обращаются к нам с просьбами свести с исполнителем, просят: «Задайте вот такой вопрос, вот такой...» Гордеев и Трушин всегда выделяли время для интервью, мы приходили со съемочной группой, тут же писали звук, аудио. Такого никто никогда не делал.

А. М. НИКУЛИН: Еще была история с многосерийным документальным фильмом про особенности национальных сельских хозяйств.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, когда был приоритетный национальный проект, мы много поездили по миру. Идея фильма о сельском хозяйстве начиная с 1861 года и по конец XX века давно сидела в голове — денег мы тогда заработали и решили такой фильм снять.

Примерно года полтора мы договаривались со всеми странами, чтобы нас приняли для документальных киносъемок: во-первых, чтобы нам предоставили информацию по истории сельского хозяй-

ства, во-вторых, нашли фермеров для видеоинтервью. Фермы должны были быть с долгой историей сельского домохозяйства, а не односторонняя аграрная компания, чтобы лет двести фермерская семья обрабатывала землю на одном и том же месте. Мы нашли в конце концов таких людей во Франции, в Англии, в Нидерландах, в Греции. Помогали нам здорово. И мне очень хотелось (хотя у нас были деньги на собственно съемки), чтобы именно этот фильм профинансировало государство. Если государство дало бы нам хотя бы рубль, я бы дырочку в нем просверлил, повесил на грудь и всем показывал: нас финансирует государство. Мы написали письмо в Госкомитет по телевидению и радиовещанию, там попросили письма поддержки. Их написали Гордеев от Министерства сельского хозяйства, председатель комитета Госдумы по сельскому хозяйству, председатель комитета по сельскому хозяйству Федерального собрания, о том, что фильм нужен, надо финансировать. Мы это все приложили, отправили, сидим ждем. Продолжаем договариваться, уже съемки начали в Ставрополе. И мне говорит моя ассистент, Ирина Николаевна: «Звонили из комитета, сказали, что такой фильм государству не нужен». Она мне потом рассказывает: «У вас глаза, как у вурдалака стали — белые. Вы побледнели и ушли в кабинет, я начала вам стучать: “С вами все в порядке?”». Я говорю: «Давайте мне машину, позвоните в госкомитет, скажите, что я приеду». Я к ним приезжаю, говорю: «У меня к вам одна маленькая просьба. Мне нужно посмотреть на человека, который сказал, что этот фильм государству не нужен».

Красивая дама (зампред госкомитета) спрашивает: «А зачем?» «Из интереса. Вы мне покажете его — я с ним ни разговаривать не буду, ни вопросы задавать, ни кричать “почему, доколе” — я просто посмотрю, и потом всем буду рассказывать, что видел человека, который сказал, что такой фильм государству не нужен». Она чувствует — что-то не то: я не ору, рубашку на груди не рву. «Давайте так: вы сейчас уедете, а я вам позже позвоню». Не успел я доехать до редакции, уже звонок: нашли немного денег — примерно процентов 10 от того, что мы ожидали. Я же говорил — рубль. Зато мы пишем: «при поддержке государственного комитета». Важно было показать, что «крестьян нужно любить» не моя личная точка зрения, а государственная — смысл был в этом.

А. М. НИКУЛИН: Фильм есть в Интернете, его смотрят, так что это оказалось очень полезно.

И. Б. АБАКУМОВ: Фильм и по телевидению часто показывают. Он прошел по третьему каналу, мы его включили в свою программу. Очень хорошо получилось — у нас программа 26 минут, и каждая серия по 26 минут — и он прошел по каналу на миллионную аудиторию. В 2009 году он занял призовое место на конкурсе документальных фильмов, получил свою «Лавровую ветвь». Премия очень хорошая, престижная, здесь кинематографисты сами оценивают.

Кстати, пока я над этим фильмом корпел, не обнаружил в Европе ни одного агрохолдинга.

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И начал я наблюдать за этой фермой...»

А. М. НИКУЛИН: А у нас к тому времени они уже в силе были — все росли и росли. У нас была особая ситуация: нам нужно было показать, что производство всего на свете в России возможно, и в больших количествах. Мне приходилось беседовать с Алексеем Васильевичем Гордеевым, и перед тем — с Евгением Степановичем Савченко, они говорили: «Конечно, правильнее, по теории и по опыту, чтобы вертикальная интеграция осуществлялась снизу, от фермеров, но в нашей ситуации начала XXI века пришлось достаточно оперативно интеграцию проводить сверху».

И. Б. АБАКУМОВ: Согласен с этим абсолютно, но дело в том, что нужно было в нужный момент остановиться в процессе сверхконцентрации агрохолдингов. Я вообще ничего не имею против агрохолдингов, но я категорически против их неконтролируемого развития.

А. М. НИКУЛИН: Да, должны быть и определенные ограничения. Кстати, они есть в других странах: по земле и по некоторым другим параметрам аграрной концентрации.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, в целях сохранения условий для конкуренции — не более 25% территории муниципалитета — не района, не области, не края — а муниципалитета. На этом в свое время погорел Черчилль, но он же и первый начал с этим бороться.

Я был в Англии, когда лендлорды еще процветали, но уже были на закате. Черчилль начал внедрять антилатифундистское законодательство в 1940-е годы, потому что в 1940 году Англия оказалась на пороге голода по причине морской подводной блокады со стороны нацистской Германии. Свои английские фермеры тогда практически разорились — им была уготована судьба арендаторов у лендлордов, фермеры платили им аренду. Я был в гостях у лендлорда, очень известного и очень типичного, он показывал мне, как у него хорошо живут арендаторы, как он организует для пожилых из них дома для престарелых. Он показывал, как помогают инвалидам, малоимущим, обеспечивают для них медицинскую страховку. Это был где-то 1986 год.

А. М. НИКУЛИН: О «социалке» непременно заводят речь и наши холдинги, сообщая на своих сайтах, например, как они обеспечивают спортивной формой сельских школьников.

И. Б. АБАКУМОВ: Вот только механизм, запущенный Черчиллем против лендлордов в поддержку фермеров, начал приносить результаты только в 1980-е годы. Вступило в действие запретительное законодательство, когда после определенной нормы единоличного владения землей вводится высокий налог, и тогда лендлорды начали избавляться от лишней земли, буквально задешево отдавая ее своим же арендаторам. Как раз в 1990-е годы появилось настоящее английское фермерство — не арендаторы, а собственники. Ничего не изменилось вроде бы, просто форма собственности поменялась. Англия благодарна фермерам за то, что они спасли страну от голода во время войны. Не просто спасли от голода — еще на маленьких фермах действовала программа переселения эвакуированных

детей из городов, подвергавшихся бомбежкам, так спасали целое поколение. Мы этому в нашем фильме уделили большое внимание. Эта программа переселения была хороша еще и тем, что, например, гораздо труднее обнаружить с воздуха маленькую ферму и достаточно дорого ее отдельно разбомбить. В большом городе возможно ковровое бомбометание, целиться никуда не надо.

Тогда Черчилль, сделав выводы из этого кризисного военного опыта, будучи сам, между прочим, крупным латифундистом и герцогом, начал запускать механизм, у которого не было обратного хода: процесс ограничения британских латифундий и создания собственного фермерского сословия. Настоящего — не арендного. Ему это обернулось отставкой.

А. М. НИКУЛИН: Да, это было неожиданно — он проиграл при всей своей популярности.

И. Б. АБАКУМОВ: Да, его жизнь полна трагизма. Я считаю этот британский пример очень показательным, я в каждом выступлении возвращаюсь к нему. Я не кричу, что агрохолдинги — это очень плохо, я просто рассказываю, почему их нет в Англии, и не только в Англии.

А. М. НИКУЛИН: Крупный агробизнес, конечно, есть во многих странах с высокоразвитым сельским хозяйством, но в них почти не бывает именно гигантских агрохолдинговых латифундий.

И. Б. АБАКУМОВ: Я считаю, что мы сделали большой просчет не при формировании агрохолдингов, а прозевали момент их ограничений при фактически бесконтрольном укрупнении.

“And I started exploring this farm...”

Igor B. Abakumov, PhD (Economics), Head of the “Krestyanskie Vedomosti” media group. Savva Morozov St., 1, Zhelyabino village, Krasnogorsk urban district, 143430, Moscow Region. E-mail: abakumov@kvedomosti.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. In the second part of his biographical interview, Igor Borisovich Abakumov concludes his recollections of agrarian reforms in the perestroika era, especially those linked to the emergence of a group of farmers in Russia, and reflects on key events in the late 20th — early 21st centuries. He discusses the phenomenon of the Agrarian Party of Russia and the history of the media-backed National Project for Agricultural Development. Abakumov describes the production of his most renowned television documentaries: one exploring the interplay between the Virgin Lands Campaign and the construction of the Baikonur Cosmodrome, and another — a documentary series — focusing on the preservation and development of family economy traditions within the contemporary agricultural economies of some foreign countries. The tension between the personal and the public in Russia’s agrarian development is the central theme in the second part of the interview.

Key words: collective farm (kolkhoz), farmers, agroholdings, Agrarian Party of Russia, National Project, documentary

*И. Б. Абакумов,
А. М. Никулин*
«И начал я на-
блюдать за этой
фермой...»